

Аriadна Изумрудная

Игорь Северянин
и Фелисса Круут

Ее звали Фелисса Круут. Она была дочерью плотника из эстонского поселка Тойла.

«Тойла расположена на высоком берегу моря, вся в соснах и золотистых пляжах», — так непривычно сдержанно и даже скромно описывает это местечко Северянин, впервые попавший сюда в 1912 году и настолько очарованный красотами финского залива, что потом не раз проводил здесь лето, пока не поселился всерьез и надолго. Это произошло в 1918 году, в том самом году, когда его избрали королем поэтов.

Все началось с набранного аршинными буквами объявления в московской газете «Власть народа». «Поэты! — гласило оно. — Учредительный трибунал созывает всех вас состязаться на звание короля поэзии. Звание короля будет присуждено публикой всеобщим, прямым, равным и тайным голосованием».

В мероприятии, состоявшемся в Политехническом музее 27 февраля 1918 года, участвовало более двух дюжин поэтов. Среди них такие знаменитости, как Маяковский и Бальмонт, занявшие соответственно второе и третье места. Первое же досталось 30-летнему Игорю Северянину. Таков был выбор зрителей, которые при полном аншлаге опускали в урны с фамилиями соискателей специальные талончики.

Летом того же года Северянин поселился в Тойле. Вскоре Эстония отделилась от России, и поэт оказался в эмиграции.

Когда-то, до войны, Тойла была модным курортом, на лето сюда съезжались богатые люди, играли оркестры и пели хоры. Но теперь все опустело и запаршивело, обвалилась открытая эстрада в парке, так что культурные мероприятия — а вкус к ним у местного населения сохранился — приходилось проводить в помещении пожарной охраны. Здесь-то, на вечере поэзии и музыки, Северянин и увидел впервые юную Фелиссу Круут.

Сперва она прочла стихи эстонского поэта Фридерикса Тугласа, затем перешла на чистейший русский язык, и обомлевший «король поэтов» узнал Гоголя.

«Очарованный талантом юной чтицы, поэт Северянин, присутствующий на вечере, подошел ее поздравить», — так спустя много лет описал сцену знакомства один из очевидцев. И добавил: «Через некоторое время жители Тойлы стали часто встречать свою землячку в соседнем парке Ору в обществе известного стихотворца».

Дорожки парка были усыпаны желтыми и красными листьями, но астры кое-где еще цвели. Это была осень 1921 года. В письме от 13 октября, говоря о предстоящей поездке в Берлин с «поэзоконцертами» — так называл он свои выступления, — Северянин

упоминает вскользь, что туда же «едет эстийская поэтесса Фелисса Круут, моя невеста. Она — девятнадцатилетняя очаровалка».

Теперь они выступали вдвоем. Главным, конечно, был он — Игорь Северянин всегда и везде был главным, — а она дополняла его речитатив чтением собственных стихов, которые писала как по-эстонски, так и по-русски. На сцену, правда, выходила не под своим именем — с королевской щедростью он изобрел для неё звучный псевдоним: Ариадна Изумрудная.

21 декабря 1921 года поэтесса Изумрудная, она же Круут, и поэт Северянин, он же Лотарев, обвенчались в одном из православных храмов города Тарту. Король нашёл свою королеву.

Они даже внешне подходили друг другу: она была такой же высокой, как он. А уж о внутреннем соответствии и говорить не приходится.

«Жена моя — хорошая, добрая, изящная. Боготворит меня и мое творчество... Мне с нею очень легко и уютно. Беспокоит только меня ее здоровье: на днях она готовится стать матерью...»

Северянин преувеличивал: матерью она готовилась стать не на днях, а месяца эдак через полтора. Что и произошло ровно в срок, 1 августа 1922 года.

Сломав отчаянное сопротивление батюшки, «король поэтов» дал своему наследнику языческое имя Вакх. Доказал, что есть-таки в святыцах такой мученик...

Итак, он стал мужем, стал отцом, стал главой семейства. Но это мало отразилось на его образе жизни.

«Моя жена действует на меня благотворно: я абсолютно свободен, она совсем не ревнива, современна, чутка, развита, талантлива».

Идеализирует? Да нет, не идеализирует, но опускает кое-какие краски, а без них образ этой женщины будет не полон.

Качество, о котором он забывает упомянуть, — ее женское начало. Оно проявлялось у нее столь органично, что он, вечно сосредоточенный на себе, по просту не замечал его. Лишь однажды был удивлен и даже несколько шокирован. Сила этого удивления оказалась едва ли не сильнее страха смерти: оба в тот момент были на краю гибели.

Случилось это во время турне по Югославии, в Герцеговине, вскоре после грозы. Рассказ об этом, а точнее очерк, впервые напечатанный лишь в 1987 году, к 100-летнему юбилею поэта, так и называется: «Гроза в Герцеговине».

Фелиssa выведена здесь под именем Ирис. Она и ее спутник, от имени которого ведется повествование, то есть автор, возвращаются с Адриатического побережья в Белград, и в горах на их поезд обрушивается «ослепительная и звонкая южная гроза». Вволю налюбовавшись ею, путешественники ложатся спать и через некоторое время пробуждаются от страшного грохота: ливень размыл путь, и поезд, сойдя с рельсов, полетел под откос.

«Ирис падала головою вниз, я — ногами. В душе — чувство смерти. Страха — я это утверждаю — не было. Было скорее чувство обреченности. Возможно, мы просто не успели испугаться: падение продолжалось несколько секунд. Вагон внезапно во что-то уперся. Меня треснуло головою о стенку. Удар был смягчен бархатной обивкой».

А что же Фелиssa? То бишь — Ирис...

«Ирис, сидя где-то на двери или стенке вагона, может быть, на спинке кресла, — в точности не помню, — вынула из сумочки зеркало и туалетные принадлежности и стала приводить себя, как бы ничего не случилось, в порядок».

Он решил, что от потрясения она слегка тронулась умом. Ничего подобного, она была в полном рассудке, хотя ему показалось, что «ее хладнокровие граничило с бесчувственностью».

Как бы не так! Хладнокровие не оставило эту женщину — воистину женщину — не только в мгновенья железнодорожной катастрофы, о которой писали многие газеты (одна заметка называлась: «Едва не погиб Игорь Северянин»), но и в постигшей их семью катастрофе жизненной.

Собственно, то был побочный эффект планетарного катаклизма. Выражаясь высокопарным языком (в рассказе о поэте, у которого не дрогнула рука написать: «Я, гений Игорь Северянин», он, по-видимому, уместен), они попали под колесо истории.

Отрезанный от родины, лишенный читателя и, следовательно, издателя, «король поэтов» оказался нищим. Не в переносном, не в метафорическом, а в самом что ни на есть прямом смысле слова. Его снедали «думы о ежедневном добывании буквально куска черного хлеба на свое пропитание и на пропитание болезненной и хрупкой жены с ребенком...»

Это из письма, в конце которого он, оправдываясь за долгое молчание, объясняет, почему так редко пишет: денег «и на марку часто нет». Но это еще не конец письма, дальше следует примечательная — и замечательная! — фраза: «Такая нужда, а злобы

нет ни к кому». Чему и сам слегка удивляется: «Уж та-
кова, видно, душа поэта».

Остается одна надежда — на «поэзоконцерты», ко-
торые когда-то проходили с неизменным триумфом
и давали немалые сборы. Теперь, однако, времена из-
менились. Залы по-прежнему полны, поскольку почти
во всех крупных европейских городах живут бежав-
шие от революции русские эмигранты, но это, как
правило, люди неимущие, поэтому выручка сплошь
да рядом не покрывает затрат на переезды, отели...
Да и на сцену не выйдешь в чем попало. Оба же они —
и он, и она — совсем обносились.

*«Приехали мы в Германию нищими: я — в рабочей,
заплатанной куртке, Фелисса Михайловна в пальто
из одеяла».*

В пальто из одеяла! А ведь она — совсем еще молодая
женщина, красавица, умница, блестяще образованный
человек. «Да, — сокрушенно признается он, — Фелисса
Михайловна достойна лучшей участи. Я очень виноват
перед ней. Мне так трудно вернуть ее безоблачность».

Ну, какая уж тут безоблачность, если на хлеб де-
нег нет, а на руках у тебя ребенок. Даже два ребенка,
ибо муж ее, большой, ладно скроенный человек, —
тоже что малое дитя. К жизни совершенно не при-
способлен — лишь стихи умеет слагать да удить рыбу.
(Северянин был азартным рыболовом, и она разде-
ляла эту его страсть.) Но на окунечки, которые непло-
хо клевали в этих местах, и на «поэзы», которые пи-
сались и печатались все труднее, не проживешь.

И тогда заботу о семье она взвала на себя. Ари-
адна Изумрудная идет на шелковую фабрику простой
рабочей. С ее-то здоровьем!

«Она и всегда-то была малокровна и слаба», — писал он в самом начале их совместной жизни. Но тогда еще он мог обеспечить и себя, и жену, и ребенка. Теперь все на ней.

Она поддерживает огонь в домашнем очаге («Фелисса Михайловна чрезвычайно притомилась, так как на ней лежит все хозяйство»), она зарабатывает деньги — сперва на фабрике, потом на заводе, где схватывает воспаление почек, она воспитывает сына да еще помогает мужу в его литературных занятиях: вдвоем составляют «Антологию эстонской поэзии за сто лет».

Мудрено ли, что от нее «один скелет остался»! Ей, естественно, этих слов он не говорит — разве можно подобное говорить женщине! — но в письмах постоянно делится своими тайными страхами и своим отчаяньем.

«Фелисса Михайловна так измучилась и устала...»

«Фелисса Михайловна получила ангину...»

«Очень нехороший кашель...»

И все-таки поэт света, как он не без торжественной гордости назвал себя однажды, Северянин не владает в отчаянье. А если и впадает (и даже пишет «Поэзу отчаянья»), то не навсегда, не безнадежно. В конце концов все не так уж скверно...

Как хорошо, что вспыхнут снова эти
Цветы в полях под небом голубым!

Как хорошо, что ты живешь на свете
И красишь мир присутствием своим!

Эти стихи обращены к Фелиссе Круут. Написанные не просто «королем поэтов», а королем в изгнании, они воочию демонстрируют то величие и ту кра-

соту духа, какие прежде скрывались под жалкой, нелепой, смешной позолотой монаршьей мантии.

Он понимает: ему повезло, что на его пути — пути человека, у которого, по его собственному определению, характер «очень трудный и замысловатый», — попалась такая женщина. «В наши дни, — пишет он поэту Георгию Шенгели, — это редкостно. Нам надо ценить милость, нам ниспосланную. Беречь надо подруг».

Переписка с Шенгели охватывает почти полтора десятилетия, и чем дальше, тем настойчивей, тем громче и трагичней звучит в ней тема возвращения на родину. Впрочем, она звучит не только в письмах, но и в стихах. Он и прежде подумывал уехать в Россию, но ведь жена-эстонка любит свою родину не меньше, нежели он свою.

В отрывочных автобиографических заметках (последнем прозаическом произведении Северянина,увидевшем свет почти через 50 лет после смерти автора) описывается имевший место эпизод в Берлине, когда он, «уговариваемый друзьями, хотел, не заезжая в Эстонию, вернуться в СССР». Разговор об этом спонтанно возник во время прощального ужина в ресторане, «когда билеты на поезд и пароход до Таллина, — пишет Северянин, — были уже куплены и лежали у неё в сумочке». Несколько часов промедления, и они потеряли б силу...

Встревоженная Фелиssa раза два или три напомнила об этом. Друзья же не нашли ничего лучшего, как успокоить ее, что, дескать, без труда достанут им билеты прямо в Москву, — «тогда она, совершенно перепуганная, вскочила и бросилась в гардеробную, схватив на ходу пальто». Муж, конечно, поспешил за ней.

«Когда я выбежал на улицу, я увидел спутницу, буквально несущуюся по пустому городу и надевавшую на ходу пальто. Было около трех часов ночи. Мы бежали таким образом через весь город до нашего отдаленного района. Было жутко, позорно и возмутительно. Я все боялся ее оставить; мне казалось, или она покончит с собою, или возвратится одна на родину».

Прошли годы, и теперь в таком же положении оказался он. И вопрос стоял точно так же: либо умереть, либо вернуться.

В 1935 году Северянин уезжает из глухой, забытой Богом и людьми деревушки в столичный город Таллин, откуда, кажется ему, легче перебраться в Россию. У него появляется другая женщина, так же исступленно мечтающая о России.

Увы, планам его не было суждено сбыться. И спустя пять лет, трудных, нищих, полных унижений, он обращается к своей Фелиссе.

Нас двадцать лет связует — жизни треть,
И ты мне дорога совсем особо,
Я при тебе хотел бы умереть:
Любовь моя воистину до гроба.

Слова о смерти — не поэтическое преувеличение: жить ему оставалось считанные недели. Тут уж не до «поэз» и не до поз. Последняя строфа его последнего стихотворения начинается простыми словами — быть может, самыми простыми и самыми пронзительными из всего, что написал за свою жизнь «король поэтов»:

Одна мечта: вернуться бы к тебе...